

Беседа с архимандритом Даниилом Бьянторо о христианско-мусульманских отношениях

Архимандрит Даниил Бамбанг Дви Бьянторо родился в 1956 году в Индонезии в мусульманской семье. Уже в молодости он пережил необычный духовный опыт, который привел его к христианской вере. Став поначалу студентом протестантской семинарии, он в результате долгих духовных поисков перешел в Православие и, приняв священный сан, организовал православную миссию в Индонезии, крупнейшей исламской стране мира. Об удивительном пути отца Даниила писал журнал «Фома» в №2(14) за 2002 год. Мы публикуем перевод беседы редактора журнала «Road to Emmaus» («Дорога в Эммаус») монахини Нектарии МакЛиз с архимандритом Даниилом.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА И ЕГО СТОЛКНОВЕНИЕ С ХРИСТИАНСТВОМ

— Отец Даниил, в одной из последних Ваших лекций Вы сказали, что зарождение арабской нации было исторической ошибкой, потому что Авраам не дождался исполнения Божьего обещания даровать ему сына от Сарры и родил Исмаила, которого мусульмане считают праотцем своего народа. Как мы можем соотносить это с тем фактом, что мы все — дети Божьи? В собственном смысле, не есть ли ошибка появление рас, или точнее, искажение того плана, который был предусмотрен для людей до грехопадения? Если бы Адам и Ева не согрешили, может быть, мы не были бы совсем разделены на расы и, наверняка, не разделились бы на множество языков, как это произошло после Вавилонского столпотворения?

— Под исторической ошибкой я подразумевал не арабов как таковых, но ислам, потому что он претендует на то, чтобы быть законным наследником завещания Авраама, в то время как Бог на самом деле обещал первородство Исааку. Это обещание было дано Аврааму задолго до того, как зача-

ла Агарь. Агарь появилась позже, и Исмаил — это следствие невоздержания Авраама в ожидании исполнения Божьего обетования. Я не говорю об арабах как таковых, как о нации, но о претензии ислама на истинность. Ислам получил свое бытие в результате непослушания Авраама.

Возможно, Бог позволил этому произойти из-за того, что Исмаил тоже был сыном Авраама. Бог промыслил об Исааке и Исмаиле по-разному не из-за старшинства, но из-за обетования первородства. Это ясно подчеркнуто в Библии: наследование, первородство принадлежало Исааку. Именно это я имел в виду. Ошибка не в существовании арабов как нации, но в претензиях ислама на истинность.

— После событий 11 сентября 2002 года люди на Западе опасаются распространения ислама и угрозы терроризма. Интересная точка отсчета для этого — записи некоторых греческих святых, особенно святого Космы Этолийского, который говорил, что оккупация Греции мусульманской Турцией спасла Православие, потому что иначе греки могли бы быть ассимилированы политически и культурно под давлением Запада. Именно в тот момент, когда христиане, как казалось, находились в наихудших условиях, их культурные и религиозные традиции были почти утрачены, святые говорили, что рука Божья спасла Грецию, и что таким невиданным способом Господь сохранил Православие.

— Я верю, что различными путями Господь использовал ислам для защиты Православия от проникновения западного влияния. Вы можете увидеть то же самое в Ветхом Завете, когда Бог с помощью вавилонян приводил евреев в повиновение. Через страдания они отказывались от идолопоклонства, и после исхода евреи стали убежденными защитниками монотеизма. Я вижу, что подобные вещи сейчас происходят в исламе. Вообще, я считаю, что ислам — это критика христианства.

— *Вообще-то многие считают, что ислам — это кара небесная, посланная христианам за охлаждение веры. Почему Вы называете ислам «критикой» христианства?*

— Когда мы внимательно посмотрим на вероучение ислама, мы увидим монотеизм в одной из наиболее замечательных своих форм. Мое исламское прошлое помогло мне увидеть единство Бога очень ясно. Я делаю четкое разделение между обращением к святым и поклонением Богу. Это — то, что зачастую простые православные не выделяют столь отчетливо, в особенности когда вы говорите о молитве святым. Для ушей мусульманина это богохульство. Вы не молитесь святым, вы просите у них молитв. И мы, и они (мусульмане) молимся Богу. В моем сознании слово «молитва» связано только с поклонением Богу.

— *Да, возможно, «молитва святым» — это не вполне верное словоупотребление. Мы, православные, считаем себя самих и святых угодников частью семьи, в которой мы просим старших и более опытных братьев и сестер, преодолевших уже все испытания, молиться вместе с нами.*

— Да. И не стоит смешивать смыслы. Например, когда сельская женщина в Греции молится одному только любимому святому, почитание этого святого становится даже более значительным, чем поклонение Богу, чего не должно быть согласно церковному учению. Это — один из аспектов критики христианства в Коране. В этом смысле Коран можно считать критикой христианства.

В этих вопросах отношения между Православной Церковью и исламом всегда были очень динамичны, несмотря на враждебность между ними. На самом глубоком уровне существует некая связь.

— *Да, и вековая история взаимоотношений — поразительна. Пять веков турецкого владычества в Греции оставили целый пласт исторических свидетельств о том, как мусульмане приходили к православным святыням, молились там, бывали услышаны и получали исцеление. Кроме того, они часто жертвовали лампы, деньги на роспись храмов, а иногда обращались в христианство. Некоторые султаны восстанавливали монастыри, а Али-паша, знаменитый своей жестокостью тиран Яннины, не только построил монастырь для своей жены-христианки, но также посылал деньги на Святой Афон для ремонта монастыря Костамонит.*

Когда святой Косма путешествовал по Греции со своими миссионерскими выступлениями, он всегда обращался к местным турецким властям за разрешением на проповедь, и эти просьбы никогда не отклонялись. Фактически мусульмане часто могли приходить и слушать его поучения и просить благословения. В конце концов, по приказу албанского Курт-паши, раскаявшегося позднее, он был убит. Но не надо забывать, что ранее этот же самый мусульманский правитель построил для святого Космы передвижную кафедру, чтобы тот проповедовал во время своих путешествий. Таким образом, в Греции существует довольно странное взаимовлияние мусульманства и христианства.

Я думаю, что на глубоком уровне ислам — это форма Православия без Христа. В нашем богочитании — вообще, в самосознании — есть сходные черты, такие, например, как наше почитание Девы Марии и раннехристианское предание о семи Эфесских отроках, что есть и в Коране. На

глубочайшем уровне есть что-то, что связывает нас. Неприятие между нами происходит от непонимания исламом учения о Троице, о природе Христа, а также из-за отрицания ими Крестного подвига Спасителя.

То есть, существует нечто, в чем мы видим родственное сходство между исламом и Православием. А эта ожесточенная борьба между мусульманами и христианами — оттого, что они, как члены одной семьи, стараются оспорить одно наследство. Это борьба между внуками одного и того же деда; они все настаивают на том, что они — законные наследники. Если бы было два наследства, не было бы спора. Вот почему мы, руководствуясь нашей христианской совестью, не можем отгораживаться от мусульман. Мы всегда будем должны договариваться с ними, и они — с нами.

— *Да, и даже самые анти-турецкие настроения греков — это ощущение того, что за внешним разделением кроется тесная связь, гораздо большая, чем в отношении других христиан, которые тоже приходили в Грецию колонизаторами и оккупантами, — они как будто враждующие двоюродные братья. Вы очень редко услышите о том, что в православный храм зашел помолиться протестант, но на протяжении последних пяти веков греческой истории множество мусульман, живших в соседстве с православными, постоянно заходили в греческие храмы, и их там принимали радушно — не спрашивая, как они понимали истину.*

— Протестанты потеряли свои семейные корни, в то время как Православие и ислам сохраняют свои связи друг с другом на протяжении истории. Это привело к весьма неоднозначным отношениям между исламом и Православием. Это — как отношения двоюродных братьев. Вы понимаете, что похожи друг на друга, но вы также различны.

— *Что именно Вы имеете в виду, когда говорите о неоднозначных отношениях?*

— Это отношения, в которых каждый признает семью, но в то же время противоречит другому в самых принципиальных моментах.

— *Несмотря на то, что многие из нас пытались читать об исламе, трудно понять его по книгам. Мы прочитали о жизни Мухаммеда, об исламской культуре и истории, о джихаде и агрессии, мы все видели по телевизору атаки исламистов на Нью-Йорк и Вашингтон и переживали трагедию. Но многие наши личные контакты с настоящими мусульманами, и в Америке, и в Европе, или в паломничествах в Святую Землю в последние годы, — это общение с гостеприимными людьми, любящими свои семьи. Это — своеобразная дихотомия, которую трудно разрешить в реальной жизни.*

— Конечно, для большинства людей традиционное мусульманское гостеприимство и уважение к соседу — главное в восприятии этой религии. Но существует также и политическое содержание ислама, и политизированные люди будут это использовать для своих собственных целей.

— *Вы верите в то, что политики действительно подогревают подобные настроения?*

— Кроме них, это также и те, кто считает джихад своей религиозной обязанностью. В процентном выражении их немного, вероятно, меньше десяти процентов от общего числа мусульман, но и этого количества достаточно, чтобы сотрясти мир.

— Вы считаете, что Америка поступила правильно, осуществив вооруженную интервенцию в Афганистан и окружающие страны? Многие люди думают, что была еще побочная заинтересованность — доступ к нефти.

— Об этих политических вопросах я не могу ничего сказать, но думаю, что сокрушение «Талибана» (или кто там стоит за спинами террористов) должно было быть осуществлено — иначе они разрушили бы весь мир. Но Вы правы: надо разграничивать борьбу с терроризмом и борьбу с мусульманами в национальном смысле. Мы не должны позволять это делать.

Будучи христианами, мы должны быть более открыты, изучать ислам и преодолевать их непонимание истин нашей веры. В их понимании мы отвергаем учение о единстве Бога доктриной о божестве Иисуса Христа и о Святой Троице. Нам также нужно постараться приобрести настоящую любовь к тем мусульманам, с которыми мы вступаем в контакт. Любовь — единственный в таких обстоятельствах способ объяснить все что угодно.

— В Ваших путешествиях Вы встречали много американцев или европейцев, обратившихся в ислам?

Между прочим, я не встречал ни одного белого американца, который перешел бы в ислам по философским убеждениям. Мусульмане, которых я встречал, — это иммигранты или студенты из мусульманских стран, обучающиеся здесь. Даже если американец или европеец становится мусульманином, я сомневаюсь, что это серьезно — больше это похоже на современную модную идею религиозного «шопинга». Даже среди чернокожих американцев мусульманская идея зачастую основывается на старом лозунге «исламской нации», который, по большому счету, имеет с исламом мало общего.

— Это, скорее, политическая идея, чем религиозное верование?

— Да, они больше заинтересованы в усилении своей нации, нежели в подлинной вере. Это реакция на исторический опыт дискриминации.

— Вы видите какие-нибудь иные причины усиления исламского фактора после событий прошлого года?

— Я слышал противоречивые мнения. Некоторые люди были очень напуганы атаками, и когда я начинаю говорить об исламе, они просто замолкают. Это — нелогичная боязнь. Другие пытаются сказать, что террористические атаки — это случайный инцидент со стороны отдельных фанатиков. Проблема, тем не менее, в том, что джихад как учение есть в Коране, и заблуждающиеся люди всегда могут использовать эти идеи и действовать на их основе.

— Опасность в том, что после атак в Америке поднялась волна патриотизма, и если мы снова будем бомбить мусульманские страны, многие из этого 90-процентного большинства миролюбивых мусульман почувствуют, что это борьба с исламом как таковым, и люди, никогда не думавшие о джихаде, станут призыва к войне.

— Да, верно.

— Что Вы могли бы сказать тем христианам, которые все еще опасаются повторения 11 сентября?

— Быть рассудительными. По всему миру такие вещи происходят довольно часто, это — природа мира. Чтобы вы не чувствовали такой немотивированной боязни, вы должны вернуться к своим корням, вы должны искать Христа и «требовать свое наследство». Попробуйте добиться, чтобы мусульмане полюбили вас. Помогите им понять — что такое христианство и кто такой Иисус Христос.

КААБА, ОТКРОВЕНИЕ МУХАММЕДА И ПАЛОМНИЧЕСТВО В МЕККУ

— Некоторые из наиболее распространенных образов ислама в новостных выпусках — фотографии многочисленных толп паломников, молящихся вокруг Каабы в Мекке. Я знаю, что Кааба — это физический фокус всех молитв мусульман, каким для православных является Святой Гроб Господень в Иерусалиме, и что мусульмане молятся, обращаясь лицом к Мекке и Каабе. Не могли бы Вы объяснить, что такое Кааба?

— Слово «кааба» означает куб. Мусульмане верят, что Кааба была первым в мире жертвенником, посвященным Богу, и что она была изготовлена из камня еще самим Адамом. Затем она была уничтожена во время потопа и восстановлена Авраамом. Когда умер Иσμαил, его потомки забыли истинного Бога, поставили вокруг Каабы идолов, пока не пришел Мухаммед и не очистил место, посвященное Единому Богу. Это традиционное мусульманское понимание.

— Кааба — это монолит или она полая изнутри?

— Полая. Она как дом. Там есть дверь, через которую вы можете войти. Любой паломник, которому разрешат духовные власти, может войти туда. Внутри ничего нет, там пусто. Интересно, что в XVII веке были свидетельства о том, что внутри были иконы, а я совсем недавно слышал, что иконы все еще находятся там.

— Иконы?! Как могут находиться иконы в самой почитаемой святыне ислама? Ведь он отвергает иконопочитание.

— Перед возникновением ислама у арабов-аборигенов был большой ежегодный базар, который назывался «Базар в Аль-Указе». Люди из всей Аравии и близлежащих стран могли принять участие в праздниках вокруг Каабы. Они совершали это для почитания богов Каабы, так как в Каабе находилось множество идолов, наиболее могущественным из которых был Хубал. (Столь же почитаемыми среди них были так называемые «дочери» Аллаха — Аль-Лат, Аль-Маннат, Аль-Уzza — несмотря на то, что еще при жизни Мухам-

мед отвергал существование каких-либо детей Аллаха, будь то сын или дочь).

В этом праздновании в Мекке принимали участие не только язычники, но также и христианское монашество со Среднего Востока, епископы и проповедники. Наиболее известное событие, связанное с этим праздником, — это знаменитое «Аравийское состязание поэтов»; многие христиане сложили особые гимны, для того чтобы соревноваться в мастерстве с язычниками. Они использовали эту возможность для проповеди Евангелия арабам. В соревновании с язычниками, поклонявшимися идолам, христиане приносили иконы Спасителя и Матери Божией в надежде, что язычники заинтересуются христианством. Все это происходило рядом с Каабой.

Когда Мухаммед без кровопролития захватил Мекку, он распорядился уничтожить идолов, для того чтобы Кааба осталась единственным алтарем единому Аллаху. Во время погрома Мухаммед увидел, что его воины собираются разбить иконы, но он остановил солдат, став между своими разъяренными последователями и иконами. Он запретил разбивать иконы, сказав, что эти два образа не должны быть уничтожены, потому что это изображения Божьего пророка и его матери. Так эти иконы были спасены от разрушения. Как я сказал, есть свидетельства, что они до сих пор находятся в Каабе, но я лично никогда не видел их. Это — все, что я об этом знаю.

— **Удивительно. И что же, Кааба имела религиозное предназначение еще до появления ислама?**

— Культура Среднего Востока включала почитание камней. Это была распространенная черта средневосточной культуры, и до возникновения ислама было множество кааб, не только в Мекке, но также и в Саане, древней столице Йемена. Там до сих пор есть небольшие каабы. Таким образом, конечно, с исторической точки зрения, эта кааба была обоснованием, оправданием ислама, но, фактически, и до появления ислама существовало множество кааб. Это был распространенный символ даже в Ветхом Завете. Вы помните, когда Иаков спасался бегством в пустыне, он поставил там камень и сказал: «Это — дом Божий».

— **Камень этот служил ему возглавием?**

— Да.

— **Интересно. И это тоже было каабой? А Вы знаете, что у этой истории есть продолжение? Считается, что такой же камень сыновья Иакова перенесли из Египта, а затем он был перевезен в Испанию. Когда Симон Брек, сын испанского короля, завоевал Ирландию около 700 года до Р.Х., он привез камень с собой. Он был помещен на святом холме Тара как «Камень Судьбы», и ирландские короли короновались на нем на протяжении почти тысячи лет. В V веке по Р.Х. камень был перевезен в Шотландию, а затем король Эдуард I Английский захватил его и поместил его под английским коронационным трон в Вестминстерском соборе. В 1996 году британское правительство вернуло камень Шотландии, где он ныне и находится в Королевском музее в Эдинбургском замке.**

— Правда? Я не знал об этом.

— **Да. А мусульмане относятся к Каабе так же, как мы к храму?**

— Нет, это символ единения, посвященный Богу.

— **Но считается, что это святыня?**

— Да, мусульмане целуют его, кланяются ему, прикасаются своими одеждами к нему и берут их домой как благословение. Существует много странных историй, рассказываемых паломниками, ходившими туда и вернувшимися домой, что они видели и слышали нечто. Некоторые из этих случаев, видимо, были посланы этим людям Богом, но мы не можем сказать утвердительно, какие из них от Бога, а какие от демонов. К тому же в Каабе есть странные вещи — например, джинны.

— **Вы верите, что джинны — это демоны? Многие западные люди считают, что слово «джинн» — это простой исламский эквивалент слова «ангел».**

— Да, я считаю, что они демоны. В мусульманской традиции джинны — это духовные сущности, которые появляются как ангелы — они нематериальны, но они как люди в том смысле, что они могут быть мужского или женского рода, могут заключать браки. Затем, мусульмане веруют, что у джиннов есть различные расы, как у людей, и существует то, что именуется западной традицией гениями.

Джинны могут жить в деревьях, в камнях, в домах, в реках, в пустующих зданиях. Джинны в мусульманском понимании могут жить в домах, даже в мечети, и иногда люди говорят, что джинны молятся вместе с ними. Мусульмане также верят, что существуют христианские джинны.

— **Как Вы считаете, ангел, который явился Мухаммеду, когда он получил откровение, был реальностью или плодом воображения?**

— Я думаю, что это была реальность, потому что это было полностью неожиданное явление. Мухаммед совершенно не думал ни о чем подобном. Конечно, несмотря на то, что Коран считает это явлением архангела Гавриила, это не был тот Гавриил, который явился Деве Марии, потому что, если бы это было так, явившийся ангел не стал бы излагать ошибочное, искаженное учение о Святой Троице.

— **Вы близки к тому, чтобы сказать — это был демон, извращающий истину?**

— Я думаю, да. С другой стороны, в Мекке у огромного количества паломников можно наблюдать совершенно искреннее благоговение; они поклоняются Богу в соответствии с тем, как они Его себе представляют. Это огромная энергия, собранная множеством молитв, и это создает некое мистическое ощущение.

— **Вы считаете, что Бог ниспосылает благодать на таких паломников за их благочестивое намерение, несмотря на то, что их вера не истинная?**

— Я верю, что на всем человечестве присутствует благословение Божье. Библия говорит: *Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5, 45). Это не спасающая благодать, но такая благодать, которая напоминает людям об их связи с Богом. Каждый из нас сотворен Богом, и есть естественное родство между духом человеческим и Богом. Даже их вера неправая, я думаю, если эти люди искренно ищут Бога, Его благодать может все исправить.

— **Как нам жить в соседстве с мусульманами?**

— Мы должны быть для них свидетелями. Это наша обязанность. Но прежде всего мы должны свидетельствовать о жизни, живя вместе и являя свою любовь. Только если мы станем друзьями, мы сможем чем-то поделиться с ними. Позволить им поделиться своей верой с нами, а мы в ответ

можем поделить своей. Обращение невозможно с помощью силы, это дело Божественного определения, но до тех пор, пока этот промысел не явлен, наше дело — наводить мосты взаимопонимания и говорить: «Это — не то, во что мы верим. Вы ошибались, неправильно поняли». Христианство — это религия, наиболее неверно понимаемая мусульманами.

— Сейчас в Западной Европе и Америке появляется все больше мусульман-эмигрантов, которые, естественно, желают строить мечети, медресе и т. д. В Ваших лекциях Вы говорите об опасности распространения ислама. Нужно ли христианам в каком-нибудь городе или населенном пункте заявлять: «Нет, мы не хотим здесь мечети»?

— Я считаю, это должно зависеть от сдержанного, тактичного настроения людей. И хотя мусульмане, желающие построить мечеть, поначалу могут быть очень миролюбивыми обаятельными людьми, кто знает — что может из этого получиться потом?

— Многие американцы могли бы сказать в таком случае, что такая предосторожность является нарушением религиозных свобод.

— Это потому, что существует идея разделения Церкви и государства, и, в принципе, это нормальная вещь. Но в исламской идеологии религия и государство — одно целое, и когда исламское сообщество усиливается, оно может начать добиваться политической власти. Но эти процессы различные в разных странах и среди разных народов. Мусульмане также очень различаются в разных государствах.

— Да, у меня есть друг из южной Албании, из-под Тираны, который сказал мне после падения коммунистического режима, что не было дисгармонии между христианами и мусульманами до тех пор, пока не появились арабские экстремисты и не начали провоцировать разделение.

— Да, но я опасаясь, что такое мирное сосуществование уже в прошлом. Многие новые мусульмане-иммигранты в Европе и Америке горят желанием исламизировать эти страны и распространять исламское вероучение, преподавая его в учебных заведениях, а также с помощью современных технологий коммуникации. Многие исламские государства это всячески поддерживают. Я думаю, для христиан очень важно пробудиться и вернуться к своим корням, серьезно относиться к своей вере и попытаться понять, во что веруют мусульмане. В этом — самая лучшая защита от ислама.

ИНДОНЕЗИЙСКАЯ МИССИЯ ОТЦА ДАНИИЛА

— Не могли бы Вы рассказать о Вашей стране? Сколько в Индонезии православных?

— Около двух тысяч человек. Большинство из них — это обратившиеся из ислама, некоторые из буддизма, индуизма и из других христианских деноминаций. У нас десять храмов и десять священников.

— Расскажите, пожалуйста, какую-нибудь историю.

Одной из моих прихожанок, работавшей гражданским нотариусом, поставили диагноз раковая опухоль. Тогда она была протестанткой, ее я первой привел к христианству из ислама, когда был евангелическим пастором. Врачи сказали

ей, что опухоль нужно удалять. Она была страшно расстроена.

Я ничего не знал о ее болезни, но однажды, когда я читал шестой час, я почувствовал, что мне надо пойти к ней домой. Я пришел к ней, но она мне ничего не сказала. На следующий день у меня вновь появилось то же самое ощущение, и я вновь пошел к ней. На этот раз она спросила меня: «В вашей Церкви есть такие же молитвы, как у нас?» Я ответил, что есть, что мы молимся семь раз в день. На третий день я снова почувствовал, что должен навестить ее, и на этот раз она спросила: «А у вас есть молитвы о больных?» Я сказал: «Да», и она заплакала.

Я спросил ее, в чем дело, и она рассказала мне, что у нее рак и что опухоль не удалось вовремя удалить — это было бы слишком опасно для нее. Она спросила, могу ли я помолиться о ней. Я сказал: «Конечно». Затем я попросил ее стать на колени рядом со мной и вместе с другим священником, бывшим со мной, я помолился над ней. Закончив, я спросил ее: «Как Вы себя чувствуете?» Она ответила: «Моя боязнь пропала». Я сказал: «Хорошо, завтра мы снова помолимся».

На следующий день я снова пришел и снова помолился, и спросил: «Как Вы теперь себя чувствуете?» Она ответила, что чувствует острую боль в том месте, где находится опухоль, — как будто режут ножом. На следующий день она сказала мне, что ночью опухоль пропала — вышла вместе с хлынувшей потоком кровью. Она показала врачам, и они сказали, что это было чудо.

После своего исцеления она стала православной, но не пожелала креститься в Индонезии. Мы вместе с ней и ее мужем приехали в США, и она крестилась в церкви отца Гордона Уолкера в Теннесси. Ее муж также был индонезийским протестантом, но не хотел переходить в Православие. Позднее мы вместе отправились в Сан-Франциско к мощам архиепископа Иоанна Максимовича. Ее муж, конечно, ничего не знал о нем, но вошел в церковь, и после того, как мы помолились около мощей, я оставил его там одного поговорить с Богом. Он был поражен, так как, врач по профессии, он не мог поверить увиденному собственными глазами, — что останки могут так долго сохраняться нетленными.

Он пробыл там долгое время, мы ожидали его на улице. Наконец он вышел, сел, низко опустив свое лицо и сказал: «Отец, я хочу завтра креститься». «Что случилось?» — спросил я. Он ответил: «Это было так странно, отче, я не верил в подобные вещи, но я молился Господу Иисусу Христу, чтобы Он открыл мне... У меня было три вопроса, и каждый раз, когда я спрашивал, из иконы выходил архиепископ Иоанн и благословлял меня». Он был крещен на следующий день.

— Потрясающе. Отец Даниил, в одной из своих лекций Вы сказали, что в Индонезии православные постятся даже более строго, чем этого требует Типикон. Например, вы ничего не вкушаете до захода солнца по средам и пятницам, чтобы показать мусульманам серьезность вашей веры и то, что вы не относитесь к посту, как к игре. Есть ли еще какие-нибудь традиции, воспринятые вами для того, чтобы сделать Православие более доступным?

— Да. В нашем богослужении мы разделяем части суточного круга на семь периодов молитвы (у мусульман их пять). Даже когда мы работаем в офисе или в фирме, наши люди спрашивают разрешения у начальства помолиться в установленное время. В шестом часу пополудни они выходят и молятся так же, как и мусульмане. Разница только в

том, что мусульмане молятся, повернувшись лицом на запад, а христиане — на восток.

— *Значит, христианам позволено молиться на людях, несмотря на то, что 98 процентов населения исповедует ислам?*

— В офисах — да, потому что вы не мешаете другим людям, вы просто делаете то, что вам нужно. Мы молимся таким же способом, как и мусульмане: у нас есть земные коленопреклонения (хотя у нас их больше, чем у мусульман), мы пользуемся циновками для молитвы и тому подобное. У нас более продолжительные службы, чем у мусульман, потому что на часах читаются псалмы.

— *А что означает в исламской традиции использование циновки? Это имеет какой-то духовный смысл или это просто средство сохранить в чистоте свою одежду?*

— Нет, ничего мистического в этом нет, это делается ради чистоты одежды. Я тоже пользуюсь циновкой, даже в Америке.

— *Какие еще культурные мостики Вы используете, чтобы помочь мусульманам понять Православие?*

— Мы, индонезийцы, в богослужении пользуемся Антиохийским типиконом, который написан на арабском языке — на том же, на котором молятся мусульмане. Мы молимся довольно часто в течение дня из-за того, что разделяем богослужение на семь коротких частей. Иногда мусульмане заходят в наши храмы и, услышав арабскую речь, думают, что они в мечети. (Смеется). Но они вскоре смущаются и спрашивают: «Почему вы молитесь на восток? Запад ведь в другой стороне?»

— *Большинство индонезийских мусульман говорят на арабском?*

— Они не говорят на арабском, но они могут понимать его, так как читают Коран. Коран читается только по-арабски. Мы совершаем наше богослужение иногда на индонезийском, иногда на арабском. Мы также омываем наши лица перед молитвой — так, как это делают священники перед совершением Литургии.

— *А вы так же, как мусульмане, оmyваете и ноги?*

— Да. Это взято из 26-го псалма: «Буду оmyвать в невинности руки мои и обходить жертвенник Твой, Господи». Вы видите: «обходить жертвенник Твой» — это значит ногами, и мы оmyваем ноги, чтобы приготовить себя к тому чтобы «обходить алтарь» в молитве. Мы также не носим в храмах обувь, и наши женщины покрывают свои головы, и все мы — и мужчины и женщины — часто одеваемся в традиционные национальные одежды.

— *Существуют ли в Индонезии открытые преследования христиан, — вы встречаетесь с угрозами или враждебностью на улице?*

— Не настолько открыто. Это зависит от того, где вы находитесь. Индонезийцы, хотя они и меняются сейчас, вовсе не склонны к насилию. Южноазиаты в основном очень миролюбивые и спокойные люди. Они отличаются от выходцев со Среднего Востока с их необыкновенной эмоциональностью. Подавляющее большинство индонезийцев вовсе не склонны к насилию; есть, однако, фанатики, которые разжигают вражду. И в Индонезии ситуация отличается в зависимости от местности. Если вы на Яве, например, там вы

встретите гораздо более терпимых людей, чем на других островах.

— *Да. Мы слышали из выпусков новостей об ужасных вещах, и, не зная вашей повседневной жизни, конечно, с трудом можем представить, насколько серьезно положение вещей.*

— Скажу честно. Есть миролюбивые мусульмане, а есть фанатики, которые взрывают церкви и убивают христиан.

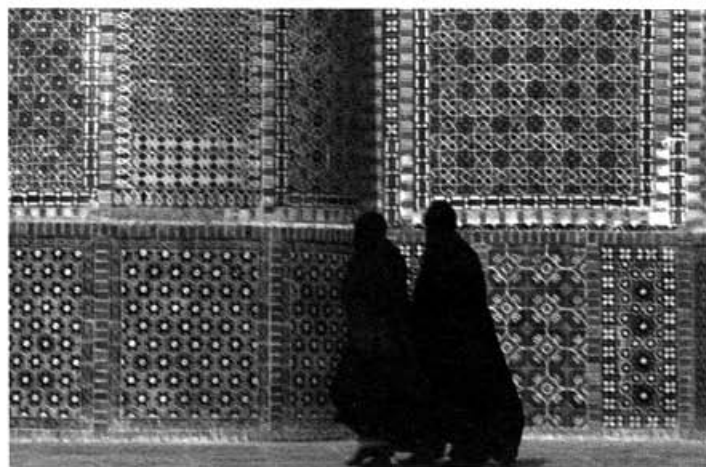
— *Вы когда-нибудь встречали мусульман, которые бы выступили в защиту прав христиан исповедовать свою веру?*

— Да, иногда находятся люди, пытающиеся помочь нам. В правительстве, правда, таких нет: правительство остерегается проявлять открыто свою поддержку. В лучших своих представителях мусульмане уважают христиан и даже различными путями защищают их, но в худших случаях они однозначно против нас. Некоторые стихи в Коране высоко отзываются о христианах, другие полностью этому противоречат, и в целом это отражение того, что происходило в течение исторического процесса.

— *Конечно, на протяжении истории христиане иногда действовали по отношению к мусульманам уважительно, а иногда — отвратительно. Возможно, если бы мы как христиане были лучше, сегодня не было бы ислама.*

— Согласен.

— *Еще один вопрос: на фотографиях, где изображаются молящиеся мусульмане, в мечети вы всегда видите только мужчин и почти никогда — женщин. Женщинам вообще разрешается молиться в мечети?*

— На самом деле женщинам не обязательно ходить в мечеть. Они могут это делать, но это не является их обязанностью, и если они действительно туда ходят, там будет перегородка, разделяющая мужчин и женщин, или женщины станут позади мужчин.

— *Это разделение в молитве также принято во многих православных монастырях и даже иногда в городских церквях в традиционных православных странах. Это, наверное, помогает не отвлекаться, особенно если вы молоды.*

— Да, и поэтому у нас в Индонезии женщины стоят по левую сторону, а мужчины — справа. Нам нравится такой порядок.

— *Несколько лет тому назад вышла интересная книга под названием «В поисках исламского феминизма». Автор — американка, профессор, исследующая женское образование. В своих путешествиях по исламским странам она обнаружила неожиданно большое количество женщин, занимающих высокие посты в правительствах, министерствах, судах и так далее. Они, возможно, могли носить традиционные одежды и покрывала, но создалось впечатление, что у них гораздо больше социальных возможностей, чем мы привыкли думать.*

Это было интересным и потому еще, что она спрашивала этих женщин о феминизме и политических правах женщин, и они совершенно согласно друг с другом отвечали: «Вы не понимаете, ваши представления не верны. Во всем, чем мы занимаемся, наша первая обязанность — это служение Богу, семье и другим людям. Мы не стремимся получить личные права». Автор на самом деле не понимала этого (хотя и писала об этом откровенно) и все-таки надеялась отыскать проявления западного феминизма. Она общалась с женщинами в пяти различных мусульманских странах, и почти каждый раз ей говорили: «Во-первых, нужно любить Бога. Это — основа, фундамент нашего общества». Помню, тогда подумалось: «Так может говорить и русская православная женщина».

Да, кроме того, положение женщин отличается в разных исламских государствах. Наш нынешний президент Индонезии — женщина-мусульманка, и в прошлом часто самостоятельное управление страной принадлежало королевам.

— *Не является ли это нетипичным для исламского общества? На западе мы привыкли слышать о неравном положении женщины в исламе.*

— Везде по-разному. Ислам — это не монолитная культура; не существует единообразного взгляда на вещи. Есть очень патриархальные и фанатичные народы, считающие, что женщина не может быть руководителем, что она должна оставаться дома. Они основываются на толковании традиции, согласно которой женщина не может быть имамом, религиозным руководителем, — и переносят религиозную практику в политические обычаи, утверждая, что женщина не способна руководить общественной организацией. Особенно ярко это выражено в Саудовской Аравии, но в других странах ситуация иная. Каждая мусульманская страна и ее народ отличаются от других государств и народов.

Кроме того, Коран содержит взгляд на мужчину как на главу, но есть все-таки различия в соотношении прав мужчин и женщин, то есть у каждого есть собственное достоинство, предназначение.

— *Да, это звучит как-то более по-византийски. Там существовало богословское обоснование особой роли мужчины как руководителя, главы, но в то же время бывали и правительницы-императрицы. Императрица, восходившая на трон через замужество с императором, не становилась автоматически императрицей в силу брачной клятвы, но короновалась и признавалась императрицей еще до свадьбы — и это был не просто почетный титул, присовокупляемый к ее статусу как жены императора. Многие императрицы в одиночку правили государством — как законные наследницы умершего императора, или в качестве регента при малолетнем сыне после смерти мужа, или же по требованию народа — и осуществляли свое правление при поддержке как Церкви, так и государства.*

— Верно, есть много сходных черт между православной культурой и культурой ислама. Для нас проще понять ислам, глядя на него глазами православного человека, потому что мы, также как мусульмане, понимаем, что женщины не

могут быть священниками, — они активно себя проявляют в других, самых различных областях жизни общества. Так же, как и в исламе, в Православии есть достаточно людей с консервативными взглядами (не всегда традиционными), есть либералы, есть стремящиеся изменять порядок вещей и есть большое число людей умеренных взглядов.

— Это, видимо, более личное замечание, тем более, я знаю, что некоторые члены непосредственно Вашей семьи стали православными. Как Вы общаетесь с родственниками-мусульманами?

— С членами мусульманских семей мы не говорим о религии. Мы общаемся только как члены семьи. Многие из них очень хорошие люди — ну, и, кроме того, я ведь чей-то двоюродный брат, чей-то племянник. Странно, но когда я обратился в Православие, некоторые из моих родственников-мусульман очень заметно активизировали свое благочестие — хотя за ними этого не замечалось ранее. Это выглядело так, как будто они стараются себя от чего-то защитить. Они отправились в паломничество в Мекку, прибавив к своим именам почетное «ходжа», активизировались, как никогда ранее. Между нами возникла стена. Некоторые из них отrekliсь от меня, прекратили общение на долгое время, но сейчас я вновь принят как член семьи. Когда у вас в семье исповедуют две разные религии, не говорите об этом, просто пытайтесь терпимо относиться друг к другу. Очень трудно спокойно говорить что-то о вере, поскольку мусульмане считают христианство антиподом ислама и думают, что мы только и стремимся обратить их.

— Конечно, Вы правы. Нам бы хотелось, чтобы они обрели такую же полноту веры, которая есть у нас. Но, оценивая то, что мне приходилось видеть в России в отношении христианских миссий, могу сказать, что очень часто опыт мусульман от общения с христианством возникает от контактов с такими христианами, которым они (мусульмане) не интересны как люди, но лишь как потенциальные новообращенные.

— Как «перспектива».

— Да. Как потенциальные члены Церкви, а не как души, которым нужна любовь и забота.

— Это верно. Нужно уважать человеческое достоинство, несмотря на то, что они исповедуют неправильную веру.

— А также уважать свободную волю, дарованную им Богом.

— Да. В Послании к Римлянам (2, 14—15) апостол Павел говорит, что в человеческом существе есть природный закон, закон совести, и каждый человек будет судим по этому закону. То есть, если они живут так, как им повелевает совесть, Бог воздаст за это. Также в Евангелии от Луки (12, 47-48) говорится, что слуга, знавший волю господина своего и не выполнивший ее, будет наказан более строго, чем тот, который не знал воли своего господина, — пусть даже он совершал поступки, достойные наказания. Он будет наказан меньше. Люди будут судимы в зависимости от их представлений об Истине.

Нам надо верить, что если есть какая-то крупинка истины в какой-нибудь религии, эта истина дарована Богом, потому что Бог есть Сама Истина. Нам надо справедливо оценивать наши религии. Дьявол сказал: «Ты — Сын Божий...» Если даже дьявол говорит правду, мы должны это прини-

мать, несмотря на то, что мы не должны принимать его самого.

— Я слышала, как некоторые православные говорили, что мусульмане и христиане почитают не одного и того же Бога. Я понимаю, что мусульманское представление о Святой Троице искажено, но я не могу поверить, что если они искренне молятся Богу (насколько они Его знают), Он не услышит их. Он ведь Сам определил им родиться в мусульманской стране и мусульманской семье.

— Это потому, что, как я говорил раньше, нам нужно понимать разницу между всеобщей благодатью, действующей как естественное или всеобщее откровение, и сверхъестественной благодатью, получившей свое особенное откровение в Иисусе Христе. Всеобщая благодать дана поровну каждому человеку, вне зависимости от того, кто он. То есть, если вы говорите, что бог индуистов или бог буддистов или мусульман отличен от христианского Бога, вы утверждаете, что существует множество богов, и вы в таком случае станетесь политеистом.

Бог индуистов, мусульман и христиан — один-единственный Бог, ибо Он Единый Творец всех и вся. Проблема в том, что их понимание Бога неверное. Но даже если их религиозные системы демонические, сердечное расположение их направлено к Богу, и Он увидит это. Каждому посылается один и тот же дождь и одно и то же солнце, и Бог отвечает на их молитвы тем или иным способом. Мы в данном случае не говорим о спасении, мы говорим о Божественном Промысле.

Я выступаю против ислама, основываясь на опыте — исходя из убеждений, не из фанатизма. Я тысячу раз прочитал Коран, я читал Бхагават-Гиту, Веды, писания буддистов, я прочитал все — потому что, если там есть сколько-нибудь истины, это должно быть от Бога. Я нашел много истинного в различных нехристианских книгах, хотя среди них есть и огромное количество мусора.

— Что Вы думаете о тех искренних людях, которые есть в других религиях, например, о буддистских монахах, которые иногда производят впечатление глубинной добротой и наружно выглядят очень добродетельно?

— Это происходит потому, что они сотворены по образу и подобию Божьему. В этом наше сходство. Они живут всеобщей благодатью, которая действует через их сильное желание подчинить основные греховные наклонности. Разница между буддистскими монахами и христианскими монахами в том, что нам помогает сверхъестественная благодать.

Всеобщая благодать не приведет вас к обожению, где душа человеческая соединяется с Богом самым тесным образом. Только святая, Божественная благодать через Иисуса Христа может сделать это. Всеобщая благодать может выглядеть очень привлекательно, даже свято, но в то же время может привести вас к связи с демоническим миром, ибо ваш дух пребывает в полумертвом состоянии. В попытках соединить это неспасительное падшее состояние души с осознанием того факта, что мы сотворены по образу и подобию Божьему, вы можете достигнуть некоторого человеческого совершенства, но это не приведет вас на небеса. Иными словами, я верю, что, независимо от религии, в которой вы родились, если вы ищете Истину — вы найдете Христа.

Перевод с английского
Михаила Моисеева, IV курс МДА